

УДК 82.09

Е. Д. Трухан
Новокузнецк, Россия

**«ОБЖИГАЮЩЕЕ ИМЯ – ДОСТОЕВСКИЙ»
(Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ НОВОКУЗНЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ Л. А. НИКОНОВОЙ)¹**

**"THE BURNING NAME – DOSTOEVSKY"
(F. M. DOSTOEVSKY IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF THE NOVOKUZNETSK WRITER L. A. NIKONOVA)**

***Аннотация.** В статье рассматриваются реценция и традиция художественного мира Ф. М. Достоевского в литературном наследии кузбасского писателя Л. А. Никоновой (1951–2012). Проблема усвоения и творческой переработки современным автором Л. А. Никоновой образов, тем, проблем, мотивов Достоевского и понимание его личности в целом ставится комплексно в литературоведении впервые. В статье использованы ранее не известные научному сообществу материалы: экспонаты личной писательской коллекции Л. А. Никоновой, хранящиеся в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (НЛММД, Новокузнецк), а также воспоминания близких ей людей – родственников, друзей, коллег.*

***Abstract.** The article examines the reception and tradition of the artistic world of F. M. Dostoevsky in the literary heritage of the Kuzbass writer L. A. Nikonova (1951–2012). The problem of assimilation and creative processing by the modern author L. A. Nikonova of images, themes, problems, motives of Dostoevsky and understanding of his personality as a whole is posed comprehensively in literary studies for the first time. The article uses materials not previously known to the scientific community: exhibits of the personal writer's collection of L. A. Nikonova, stored in the literary memorial Museum of F. M. Dostoevsky (NLMMMD, Novokuznetsk), as well as memories of people close to her – relatives, friends, colleagues.*

***Ключевые слова:** Ф. М. Достоевский, Л. А. Никонова, писатели Кемеровской области (Кузбасса), реценция, традиция, творческое сознание автора*

***Key words:** F. M. Dostoevsky, L. A. Nikonova, writers of the Kemerovo region (Kuzbass), reception, tradition, creative consciousness of the author*

Тема «Ф. М. Достоевский в творческом сознании писателя Л. А. Никоновой» принадлежит к разряду очевидных, «лежащих на поверхности», но в силу разных причин неизученных. Она входит в широкий круг

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002

тем, раскрывающих особенности процессов рецепции и культурной традиции XIX века писательским сообществом XX–XXI веков, и является частью научных изысканий, посвященных диалогу большой классической литературы и региональной.

Цель исследования – показать основные моменты вхождения литературного наследия Федора Михайловича Достоевского в художественный мир современной кузбасской писательницы Л. А. Никоновой на уровне тем, проблем, мотивов, образов и восприятия ее личности русского романиста в целом. Это позволит определить особенности восприятия художественного мира Достоевского и его персоны одним из представителей современной региональной литературы, «элитарной языковой личностью» [43, с. 211], которая значима в культурной жизни города Новокузнецка и региона в целом [30], [31], [40].

Глубокая, многоаспектная взаимосвязь творчества кузбасского поэта, прозаика и публициста Любови Алексеевны Никоновой (1951–2012) с наследием Ф. М. Достоевского прослеживалась всегда. Некоторые ценные замечания по этому поводу высказывали в своих литературно-критических трудах И. А. Пушкарева [41], [43], [44], А. С. Сазыкин [45], Е. Г. Колядич [9]. Но, тем не менее, до настоящего времени проблема постижения Любовью Никоновой жизни и литературного наследия Достоевского, особенностей проживания и переживания ее творческим сознанием художественного мира классика мировой литературы, не ставилась в научной среде как самостоятельная.

В данной статье влияние Ф. М. Достоевского на Л. А. Никонову рассматривается как масштабное, комплексное, системное и долговременное явление, требующее глубокого постижения и тщательного литературоведческого анализа. Благодаря такому подходу возможно показать процесс вхождения Слова Достоевского в творческое сознание и авторский текст писателя-современника, указать на определенные вехи в писательской эволюции.

Образ Достоевского в творчестве Никоновой и ее личной писательской судьбе представляется одной яркой и очень емкой авторской метафорой – «обжигающее имя». Это словосочетание возникло в эссе «Лик города» [24, с. 7], опубликованном в 1998 году в альманахе «Здравствуй, мир!», который издавался педагогами и учащимися новокузнецкой школы № 27. Любовь Алексеевна долгое время работала там учителем, вела литературную студию «Фесковские литераторы» и в течение 15 лет выполняла функции литературного редактора данного школьного издания.

Определяя исторические ценности Новокузнецка в «Лике города», Любовь Алексеевна называет его главные культурные символы – «священные камни» [24, с. 7]. Наряду с Кузнецкой крепостью, «восстающим из руин

Спасо-Преображенским собором» [24, с. 7], в этот список также входит имя Достоевского и те биографические события, которые связали его с городом:

«И любого человека, равнодушно к отечественной культуре, ведет в старую часть города обжигающее имя – Достоевский! Кузнецк тем знаменит, что здесь пережил глубокую драму и венчался гениальный писатель» [24, с. 7].

Давая метафорическое определение «обжигающий» образу русского классика, Л. А. Никонова тем самым вписывает его в историю и культуру Новокузнецка, города горно-металлургического, а значит – огненного. Она представляет Достоевского как органичную часть городской среды, одну из многочисленных, но заметных, его искр или звезд. В контекст собственных размышлений о городе, в ряд духовных коллективных ценностей она вводит образ Илии Пророка, православно-христианского небесного покровителя Кузнецка, которого *«еще в младенчестве «мужчи благообразные пеленали огнем и питали пламенем огненным» и который в конце земного пути – за святую жизнь и пламенную веру живым был вознесен на небо на огненной колеснице»* [24, с. 7]. Таким образом, в ее творческом сознании гармонично соединяются разные лики города – «огненные» имена (Достоевский, Илья Пророк) и явления (христианство, промышленность, культура, творчество), которые постоянно переплавляют (или преобразуют) телесное в духовное:

«В Новокузнецке, городе металлургов, много огня. Наверное, это не просто физическое пламя, но огонь веры, надежды и любви» [26, с. 7].

Непосредственно связанное с огнем, причастие *«обжигающий»*, которое в восприятии Никоновой характеризует образ Достоевского, имеет согласно Большому толковому словарю русского языка прямое и переносное значения: 1. *«причиняющий сильную боль, вызывающий ощущение жжения»*, 2. *«пробуждающий внезапное сильное волнение»* [32]. В художественном мире Любви Никоновой, где постоянно обнаруживаются и обнажаются связи между случайным и закономерным, современным и древним, живым и неодушевленным, природным и техногенным, где происходят глобальные метаморфозы вневременного и сиюминутного, указанные значения органично сосуществуют, дополняют и обогащают друг друга. Это острое ощущение связи телесного и духовного, вечного и текущего, несомненно, ведет свою традицию от художественного мира Достоевского.

«Обжигающий», с точки зрения Никоновой, – это не только внутреннее свойство Достоевского как художника слова и созданного им художественного мира, способного воздействовать на человека с разной степенью данного качества. Это еще и очищение, и закалка огнем – физическим и духовным. Семь очищения, противостояния, выносливости и закаленности

очень значимы в интерпретации образа Достоевского Л. А. Никоновой, характерны для ее авторского стиля, но не исчерпывают всей смысловой насыщенности метафорического образа.

Важно отметить, что лексема «*обжигающий*» содержит в себе антиномичные смыслы – холод и жар (например, «обжигающий лед» и «обжигающий пламень»). Именно антиномичность всегда была и остается одной из характерных черт романной поэтики Достоевского. К тому же появление таких антиномичных смыслов, как холод и жар, ассоциативно адресует читателя к творческому наследию любимого Достоевским автора – А. С. Пушкина, к его роману «Евгений Онегин» («*Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой...*»).

В никоновском «Лице города» слово «*обжигающий*» благодаря контексту его употребления приобретает и еще несколько значений: 1. «*Являющийся равнодушным*». 2. «*Не оставляющий других <читателей> равнодушными*». 3. «*Воздействующий на человека равнодушно* <к культуре, истории, старине, городу и др.>. 4. *Указующий дорогу людям равнодушным, ведущий по правильному пути, путеводный*. Таким образом, в слове «*обжигающий*» появляется осознанный яркий акцент преобразующего воздействия на духовную человеческую природу, на читателя. Момент духовного преображения личности – одна из ключевых составляющих литературной традиции Достоевского.

Найденная Л. А. Никоновой метафора «*обжигающее имя*» непосредственно связана с особенностями чтения произведений классика мировой литературы. Их нельзя «проглотить» залпом, «без вреда для здоровья». Достоевского следует «вкушать» постепенно, «маленькими глотками», ибо его текст может стать для неподготовленного читателя «*испепеляющим, обугливающим, огневым, обжигающим, опаляющим, прижигающим, припекающим, раскаленным*» [33]... Так или иначе, но «следы» от прочтения произведений Ф. М. Достоевского, как ожоги, навсегда остаются и в памяти, и в сердце каждого. Человеку равнодушному, как его определяет Никонова, они не дают покоя, не могут позволить жить по-старому. В этом смысле состояние читателя после знакомства с книгами Достоевского более масштабно, почти катастрофически, описал философ, литературовед, историк культуры Карен Свасьян в работе «Достоевский и несть ему конца. К 100-летию со дня смерти»:

«... во всяком случае, прежняя незыблемость нравственных твердынь раздается трещинами гнозиса самопознания. Я раздвояется; теперь оно уже не способно выбирать между прежними добром и злом. Альтернатива между добром и злом оказывается альтернативой между двумя ущербами...» [47, с. 137-138].

К числу таких неравнодушных читателей, получивших «ожог» от общения с Достоевским, без сомнения, принадлежала и Любовь Алексеевна Никонова. Его произведения вошли в жизнь будущей писательницы в подростковом возрасте – в 15–16 лет. В это время она уже переехала из родного села Владимировка Хворостянского района Самарской области в город Новокузнецк, жила с семьей своей старшей сестры Валентины Алексеевны Смотрителевой и училась в старших классах средней общеобразовательной школы № 93 Заводского района. Известно, что в юности писательница даже заводила отдельные тетради, чтобы переписывать в них от руки фрагменты произведений великого романиста [9, с. 43]. А в студенческие годы писала дипломную работу, посвященную жизни и творчеству Ф. М. Достоевского¹. Возможно, она чувствовала близкого по духу автора, у которого *«все забытое судьбою, несчастное, хворое и бедное находило <...> особое участие»*² [48, с. 171].

Так или иначе, но с этого времени и до конца жизни Ф. М. Достоевский вошел в круг читательских интересов Никоновой, а его литературные образы, темы, проблемы и мотивы стали частью ее творческого сознания. Процесс этот не был легким и гладким. Напротив, вызывал внутренние писательские споры, притяжения и отталкивания, вовлекал в клубок отчаянных противоречий. На это, например, красноречиво указывают строки письма Любови Алексеевны от 16 октября 1982 года, адресованные подруге-однокурснице Валентине Андреевне Куртовой:

«Валя, ты просишь написать все, что я знаю об Исаевой и Достоевском. Знаю я мало. Но о Федоре Михайловиче у меня складывается мнение очень противоречивое. Мне кажется, что Н. Страхов в своем «клеветническом» письме к Толстому писал о Достоевском истину. А вообще, Валя, все приходит с опозданием. Когда-то я ничего лучше и выше Достоевского в литературе не видела. Вот тогда бы и надо было мне водвориться в этот музейчик (но тогда музея не существовало). А сейчас я далека от мира Достоевского. Далека.

Помнишь, в «Братьях Карамазовых» он говорит о людях, для которых важнее всего не деньги, не положение, а важно «вопрос разрешить». У

¹ По сообщению Ольги Никифоровны Голиковой, бывшего библиотекаря Кузбасской православной духовной семинарии (Новокузнецк), знакомой Л. А. Никоновой.

² Для сравнения: «Были от тебя перед праздниками 2 письма. Мне особенно понравилось второе, где в числе прочего говорилось о «хроменьких и забытых». Не вижу неврастении в том, что ты любишь хроменьких» <...> Я всегда жалела и жалею всех тихих, робких и слабых. И чем больше становится «рвачей и выжиг», тем заметнее на этом беззастенчивом фоне безответные и забытые существа» (Из письма Л. А. Никоновой подруге В. А. Куртовой, Новокузнецк, 27 ноября, 1982 // НИИМД. Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись. ВХ – 16. Лист 1).

меня тоже есть «вопрос», очень, кстати, близкий к вопросу, которым задавался Иван Карамазов. Но каждый разрешает свои вопросы по-своему. Пути Достоевского мне не нравятся» [35, л. 1].

Тем не менее, работа в музее как новый этап погружения в жизнь и творчество Ф. М. Достоевского, новый этап их постижения, заставили Никонову вновь откорректировать собственную позицию. В зрелости Федор Михайлович стал для нее настоящим духовным маяком, освещающим крестный писательский и личностный путь, указующим верное направление. В 2009 году, отвечая на вопросы анкеты почетных читателей, специально разработанной специалистами городской библиотеки им. Н. В. Гоголя, она назвала самые любимые, дорогие и близкие сердцу его творения: «Преступление и наказание», «Идиот», «Кроткая», «Братья Карамазовы». Они вошли в «Драгоценный список любимых литературных произведений», ставший частью материалов Любови Никоновой «Сокровенное свечение: из опыта читателя-писателя» (2009) [27]. Имя Достоевского значится в «Драгоценном списке...» под номером 1. Перечень его произведений располагается сразу после «Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа», которому Л. А. Никонова не присвоила никакого номера. Сегодня никоновский «Драгоценный список...», но уже в рукописном варианте, хранится в личном писательском фонде в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского [16].

«Сокровенное свечение» содержит аксиологически значимые для нас сведения о читательских предпочтениях Любови Алексеевны и помогает продвинуться в постижении темы взаимодействия двух разных эпох, двух литературных миров:

«В подростковом возрасте открыла для себя Блока и Достоевского. Это мои самые большие литературные привязанности. У Достоевского нашла что-то бесконечно близкое, интонации о. Василия. А когда в 1968 году посмотрела уже в Новокузнецке фильм Ивана Пырьева «Братья Карамазовы», была потрясена неизмеримо: старец Зосима, изображенный там, будто явился из Владимировки: так сильно напоминал он нашего доброго батюшку о. Василия... Далее мои литературные интересы двигались в русле христианства. Без знакомства с книгами Достоевского это было бы невозможно...» [27, л. 1, 2].

Никонова воспринимает Достоевского как «что-то бесконечно близкое», родное и родственное по духу. Неслучайно в ее творческом сознании организуются связи: между литературным миром Достоевского и миром реальным – селом в Среднем Поволжье, где она появилась на свет и выросла; между знакомым ей с детства человеком – отцом Василием – и Достоевским как автором-рассказчиком. Близкая Никоновой частичка худо-

жественного мира великого романиста, а именно – православная христианская составляющая его литературного текста, обнаруживается писательницей во времени настоящем, у знакомого ей лично деревенского священника. Произносимое им с особой интонацией православное библейское Слово, ассоциирующееся именно с Достоевским, именно тогда становится узнаваемым Никоновой. То есть Слово библейское и Слово Достоевского, основанное на нем и ведущее к нему, преодолевают время и через века оказываются живыми, актуальными, вечными. Такой подход к пониманию Слова как категории вечности, как метафоры вечной жизни, исключительно важен для Никоновой, считавшей Достоевского-писателя своим проводником в постижении духовных основ православного христианства, их непреходящей ценности.

Напомним, что Никонову в текстах Достоевского притягивало не только родственное по духу содержание, но и *«интонации»*. С одной стороны, этот факт раскрывает одну из особенностей ее художественного мышления – необыкновенную восприимчивость к музыке, являвшейся неиссякаемым источником вдохновения, а с другой – ее понимание художественного слова в целом. Текст Достоевского *«оживляется»* в ее сознании через мелодику речи, громкость, темп, тон, ритмику, особенности фонации и др. Музыка активно помогает Никоновой закрепить результат собственных догадок и интуитивных прозрений о *«путеводности»* Слова Достоевского, о его пророческой силе.

Но не только мелодическое звучание выполняет эту функцию. Во фрагменте *«Сокровенного свечения»* возникает еще один глобальный творческий ресурс – кинематограф. Такая культурная скрепа характерна для Никоновой. Во все периоды творчества она активно апеллировала ко многим видам искусств: мировой литературе, музыке, живописи, танцу, кино, театру. В них, как в неиссякаемом живом источнике, искала подтверждения собственным прозрениям, с помощью них аккумулировала, удерживала и углубляла духовный и писательский опыт. Свежие и запоминающиеся образы других искусств сильно воздействовали на кузбасского автора, становились импульсами к творчеству, постоянными спутниками вдохновения и помогали лучше, но уже на более глубоком уровне осознавать и интерпретировать художественный мир Достоевского.

В этом смысле показательно творческое сотрудничество Любови Никоновой с художником Германом Порфирьевичем Захаровым (1933–1992), автором произведений, посвященных Достоевскому и появившихся в 1980-е годы: портретов *«Бессмертие»*, *«Кузнецкий венец»*, *«Вечный вопрос»*, цикла графических работ о М. Д. Исаевой и др. Любовь Алексеевна часто беседовала с ним, посещала его мастерскую, интересовалась творческими

планами, иногда встречалась в доме их общего друга – поэта Игоря Киселева¹, автора предисловия к ее первому поэтическому сборнику «Скрипичный ключ» (1974), присутствовала на открытии выставок Захарова и даже лично, по заданию администрации Новокузнецкого краеведческого музея, доставляла его картины в музейное собрание.

«Кузнецкий венец», по мнению Л. А. Никоновой, является главной в наследии Г. П. Захарова работой, посвященной Достоевскому. О доставке этой работы в музей она неоднократно рассказывала и писала. В статье «Духовной жаждою томим» она обращает внимание на то, как художник передает внутреннее состояние писателя и его супруги:

«Наиболее известна картина «Двойной портрет Достоевского и Исаевой» или «Кузнецкий венец» (оргалит, масло). Если даже не знать сюжета кузнецкой драмы Достоевского, все равно по картине можно догадаться, что изображенные Захаровым люди – мужчина и женщина – связаны отношениями напряженными, болезненными, о чем говорит узел переплетенных рук...» [17, л. 1].

Особым этапом постижения Достоевского стал для Любви Никоновой период ее работы научным сотрудником Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, в то время – филиала городского краеведческого. На постоянной основе она здесь проработала с 1982 по 1987 годы, а затем, когда музей Достоевского стал самостоятельным учреждением культуры, в начале 1990-х, стала по совместительству проводить тематические уроки-занятия курса «Священное писание», рассчитанные на начальную школу.

В основной период работы в музее Никонова вела дневниковые записи. Для них склеила специальную папку². Один из таких набросков – рассказ-зарисовка «Весна на Форштадте» – появился в ее записной тетради «Собственные письма» 10 апреля 1983 года [12]. Описываемые в нем события связаны с образами птиц. В разных вариациях они неоднократно возникают и в ее лирике: «Почти легенда», «К тебе летят сияющие птицы...», «Орел», «Я память свою очень редко волную...», «Вольная птица – да негде присесть...», «1993», «Зря, что ль, свистал соловей?», «После эпилога», «Жаворонок» [19], [20], [21], [25], [26], [29] и др. Сюжет рассказа разворачивается на знаковом для Новокузнецка месте – Форштадте, где бывал Ф. М. Достоевский в середине XIX века, и где сейчас есть улица его имени

¹ «Художник Захаров близко знал Игоря Киселева. Я иногда встречалась с Захаровым у Киселевых». (Письмо Л. А. Никоновой подруге В. А. Куртовой. 16 октября 1982 года // НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись. ВХ – 12. Лист 1об.).

² «Склеила я сейчас себе миниатюрную папку – для мелких листков, на которых пишу коротенькие произведеньица (пыгаюсь привести в порядок накопившиеся за 5 лет наброски)» (Письмо Л. А. Никоновой подруге В. А. Куртовой. 5 декабря 1982 года. Новокузнецк. // НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись. ВХ – 17. Лист 1.)

и музей. Появление кузнецких мест Достоевского в записях Никоновой значительно расширяет понятие «мир Достоевского». Это не только художественный, публицистический, эпистолярный тексты писателя, с которыми, она, безусловно, была знакома, но и его кузнецкие места – улица и находящиеся на ней объекты, музей писателя (дом портного М. Д. Дмитриева), его усадьба и др. Причем восприятие этих объектов происходит в контексте атмосферы романов Достоевского:

«Дому (М. Д. Дмитриева – Е. Т.) 150 лет, если не больше. В нем темно, сыро, холодно. Находится он недалеко от тюрьмы (Достоевский и темные страдания всегда совпадают)» [34, л. 1]

Наиболее глубоко тема Достоевского в творческом наследии Любови Никоновой раскрыта в нескольких ее произведениях: стихотворении «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год» (1987), трактате «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака»¹ (1991), очерке «Кузнецкий венец»² (1986), а также в цикле стихотворений «Волна блаженства и волна страдания», созданном по мотивам произведений Достоевского. Каждое из творений этого перечня достойно того, чтобы стать объектом отдельного серьезного исследования. В рамках данной статьи наметим лишь некоторые моменты в рамках интересующей нас темы.

Идея написать о драматичной судьбе Федора Достоевского, его встрече и венчании с Марией Исаевой возникла у Любови Алексеевны во время работы научным сотрудником в музее писателя. Бесспорно, она познакомилась со всеми доступными в то время источниками, касающимися «грозного чувства» Достоевского, и сумела на их основе создать разножанровые произведения (стихотворный, публицистический, философско-теологический тексты).

Из всех произведений Любови Никоновой, посвященных Достоевскому, наиболее известно стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке» (1987). Оно имеет еще один вариант названия – «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857». Пожалуй, на сегодняшний момент это самое известное среди всех произведений Л. А. Никоновой о Достоевском. Возможно, свою роль сыграло бытование стихотворения еще при жизни поэта. Дело в

¹ См. подробный анализ: Трухан Е. Д. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака» // Библиотечная жизнь Кузбасса. – 2017. – № 4 (68). – С. 12-16. Или: Трухан Е. Д. «Если пшеничное зерно, падиши в землю...» // Трухан Е. Д. Зерна: публицистические и литературно-критические статьи. – Москва-Екатеринбург, 2018. – С. 8-21.

² См. подробнее: Пушкарева И. А. Стилистический анализ регионального медиатекста: Л. А. Никонова о Ф. М. Достоевском // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. сборник научных статей / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай. – Выпуск XII. – Новокузнецк - Красноярск, 2020. – С. 210-219.

том, что Любовь Алексеевна сама активно его популяризировала: охотно и с удовольствием читала на многочисленных встречах с читателями, во время культурно-образовательных мероприятий в различных учреждениях образования и культуры. В контексте творчества Никоновой это стихотворение можно прочесть как синоним трактата «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака». Но последнее не настолько популярного, насколько его стихотворный «аналог».

Стихотворение отчасти создавалось как поэтическое соперничество (или полемика) со знаменитым произведением «Жена Достоевского» (1965), посвященным второй супруге писателя А. Г. Сниткиной. Его автор и творческий оппонент Никоновой – Владимир Николаевич Корнилов (1928–2002), московский поэт, острый публицист, исключенный из Союза писателей за правозащитную деятельность, младший современник и друг А. А. Ахматовой, Б. А. Слуцкого и Л. К. Чуковской. Стихотворение Корнилова было высоко оценено литературной общественностью того времени. Обратила на него пристальное внимание и Любовь Никонова. Подтверждением тому является обнаруженный в писательском архиве текст корниловского стихотворения, переписанный ее рукой [11]. Знакомство со стихотворением другого автора, скорее всего, натолкнуло Л. А. Никонову на мысль о создании собственного «легендарного» произведения на основе регионального материала – венчания Ф. М. Достоевского в Кузнецке. Тем более, что Никонова была категорически не согласна с трактовкой Корнилова. Исаева, по ее мнению, вовсе не принадлежала к *«испокон нравным, вздорным, притклым воронам»* [10], как образно охарактеризовал московский автор всех возлюбленных до второго брака Достоевского. Вероятно, и А. Г. Сниткину она не воспринимала столь однозначно, ангельски иконописно, как он: *«Горлица среди ворон», «Кротость – взамен своенравия, Ангел – никак не жена», «Смирная в славе и в горести», «Как при иконе – свеча», «отвага и верность», «Большие российской словесности Так никогда не везло»* [10].

Судьба Исаевой и все, что касалось памяти о ней, глубоко волновала поэтессу. Об этом она говорит даже в личной переписке, предлагая разные версии причин вычеркивания из жизни писателя следов его первой любви. Своей подруге Валентине Куртовой 10 сентября 1982 года Любовь Никонова пишет:

«... письма М. Д. Исаевой к Достоевскому уничтожила вторая жена писателя – А. Г. Сниткина. Зачем ей понадобилось так расправляться с Исаевой? Что это: недоброжелательность к сопернице (пусть мертвой) или ревность, или попытка вычеркнуть из жизни Достоевского что-либо неблагоприятное, компрометирующее?»

Ей-богу, меня почему-то потрясла судьба писем Исаевой.

Вообще, что такое письма?..» [34, л. 1-1об.]

Образ писателя в стихотворении Никоновой предстает антиномичным («такой же друг ей, как и враг» [20, с. 102]), а образ его первой жены Марии Исаевой – страдающим, переходным, «пограничным» между реальностью и литературой. Исаева у Никоновой – личность сильная, одновременно страдающая, и понимающая, и принимающая свою высокую миссию. Та, которой суждено было перевоплотиться в Музу писателя – «*гения завтрашних времен*» [20, с. 102], стать прототипом его знаменитых романских героинь, чем значительно повлиять на творчество. Главными мотивами никоновского стихотворения становятся ключевые «достоевские» мотивы: жертвы и глобальной личностной метаморфозы обоих обвенчанных под влиянием собственного выбора, литературного гения и жизненных обстоятельств – «*необратимого сияния кузнецкого венца*» [20, с. 102].

Впоследствии стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке» Любовь Никонова включила в поэтический цикл по мотивам творений великого романиста – «Волна блаженства и волна страдания». В него вошли 17 произведений, появившихся в 1987, 1997, 1999, 2000, 2001 годах. Несмотря на то, что стихотворные строки о кузнецком венчании Достоевского и Исаевой были самыми ранними, именно они, как наиболее значимые для Л. А. Никоновой, стали финальным аккордом этого цикла.

Цикл «Волна блаженства и волна страдания» был опубликован сначала в литературно-краеведческом альманахе «Кузнецкая крепость» в 2002–2003 годах, а затем – в итоговом сборнике поэтессы «Знакомый мир неузнаваемый» (2011). Задает драматический тон этой тематической подборке эпиграф – слова Дмитрия из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (глава «Исповедь горячего сердца. В стихах»):

«...Бог создал одни загадки. Тут берега сходятся, тут противоречия вместе живут... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [4, с. 100].

Главными мотивами поэтического цикла, навеянными Достоевским, становятся мотивы загадки жизни, таинственного человеческого сердца (внутреннего подполья каждого), вечной борьбы светлого и темного начал в человеке, греховности души, необоримых жизненных противоречий, нарушения людьми допустимых норм нравственности и морали, законов Любви, предельных-пограничных состояний человеческих эмоций и чувств. При этом Никонова, по-достоевски антиномично представляя момент прозрения души на «*пределе своих сверхжеланий*» [20, с. 96], между волнами страдания и блаженства, в грозных переливах мирской и божественной Любви (прямые ассоциации с «*грозным чувством*» Достоевского), говорит о том, что все-таки мятущаяся в страстях душа человеческая

остается «неблагодарной», несмотря на то, что Бог всегда к ней «великодушен» [20, с. 86]...

Размышляя над различными темами жизни земной и небесной, Никонова всегда находилась в контексте художественного слова Ф. М. Достоевского, внутри его литературного мира. «Жизнь есть рай, ключи у нас», – подчас повторяла Любовь Алексеевна слова старца Зосимы, оставшиеся в черновиках Ф. М. Достоевского к «Братьям Карамазовым». И это неслучайно: все поэтическое и прозаическое творчество Л. А. Никоновой было устремлением к этому раю. Нередко в ее рабочих записных тетрадах, конспектах уроков, разработках занятий по тематическим программам, публицистических размышлениях и личных письмах мы находим цитаты (выписки) из романов Достоевского, его крылатые выражения. Они нужны были для подтверждения собственных мыслей, как импульсы к созданию собственных художественных образов и разворачивания «достоевских» тем, мотивов, как иллюстративные примеры для школьных занятий, к которым «преподаватель прибегал не раз», ведь «их многофункциональность свидетельствует о смысловой насыщенности текстов писателя» [1, с. 320].

Например, во вступительном слове «От автора» к сборнику «Чтоб воскреснуть на этом лугу» (1997), проникнутом глубинными пасхальными нотами, Любовь Никонова вновь обращается к образам романа «Братья Карамазовы»:

«Что сквозит»? Свет Красоты, Правды, Божественного присутствия... <...> Это подтверждал «мученик Бога» Достоевский устами своего Алеши и житием Зосимы...» [29, с. 5-6].

Образ Достоевского-пророка глубинно прорастает и в публицистическом эссе Никоновой «Струна звенит в тумане» (главка «Голос твой...»). Появляясь как эхо художественного текста Н. В. Гоголя («Это Гоголь устами своего бедного Поприщина сказал так: «Струна звенит в тумане». Достоевский любил повторять эту фразу: он видел в ней ключ к тайнам русского сердца» [28]), он постепенно становится и поводом, и ключом для серьезного разговора о состоянии духовности современного русского общества, об извечном противостоянии Христа и «смога», «сажи», «непроницаемого зла, перед которым умрет от страха совесть, смолкнут Достоевские и распишется в бессилии христианство» [29]. Образы и пророческое Слово Достоевского, произнесенное в «Братьях Карамазовых» и «Бесах», помогают Никоновой ярко и лаконично обрисовать животрепещущую, волнующую ее, главную проблему современности – тотальную зависть, «духовную смердяковщину» [28], проникшую во все сферы быта и бытия:

«Из адских заклепов выходят жесточайшие существа, обваренные, как кипятком, смертельной завистью. Это зависть к Богу, к Слову, к Логосу. Все, что стоит высоко над их смрадными безднами (храм, высокая душа, Евангелие, подвиг, крест, талант, любовь), должно быть утоплено в зловонных котлах духовной смердяковщины.

«Любого гения мы загноим в младенчестве», – обещали они еще в «Бесах». Против Слова восстает неимоверный антипод, цель которого – вызвать распад Христа» [28].

«Встречи» с Достоевским продолжаютя и в рабочих тетрадях Никоновой. В конспекте уроков для слушателей Новокузнецкого института повышения квалификации она приводит примеры из «Преступления и наказания». А в общей тетради «Стихи, заметки. 2003-2009 годы от Р.Х.» в записях за 2007 год обнаруживаются несколько мыслей Достоевского о Любви, смирении и рае на земле, а также важные строки о писателе, принадлежащие другим авторам: *«...был под властью сияющей личности Христа...»; «...жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай»; «Горе оскорбившему младенца!»; «Перед июю мысль станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: Взять ли силой, али смиренною любовью?» Всегда решай: «Возьму смиренною любовью». Решишься так раз навсегда и весь мир покорить сможешь. Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая» [49].*

Во время литературного редактирования альманаха «Здравствуй, мир!», Л. А. Никонova постоянно отдавала дань уважения любимому писателю, оформляя тематические подборки, публикуя прозаические и поэтические произведения, посвященные ему. Так, в номере 1 альманаха за 1996 год, в рубрике «К 175-летию со дня рождения Достоевского» Любовью Алексеевной отобраны к публикации текстовые материалы и репродукции о кузнецких событиях в жизни романиста. Здесь и стихи Никоновой «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857», и размышления учащихся о «*драматических моментах биографии Ф. М. Достоевского*» [6, с. 5] и отзывы с заметками, и странички из сочинений и дневников по теме «Достоевский и Кузнецк». На страницах школьного альманаха благодаря Л. А. Никоновой публикуются репродукции картин Г. П. Захарова «Кузнецкий венец» и «Вечный вопрос», лаковой миниатюры А. Ф. Фомченко «Парный портрет Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой». Есть и фотоизображения: домика Достоевского в 1980-е годы, М. Д. Исаевой за два года до ее смерти, церкви Одигитриевской Божьей Матери, где венчался с ней Достоевский. В номере 3 альманаха за 1997 год были опубликованы некоторые материалы, связанные с проведением школьного литературного месячника к 175-летию Достоевского, в их числе – стихотворение Л. А. Никоновой «Неужель наше

сердце остыло?», а также сочинения ее учеников из литературной студии «Фесковские литераторы». В номере 6 альманаха за 1998 год вновь появляется стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год».

Знакомство с творчеством Достоевского было включено Никоновой-педагогом и в план работы городского литературного объединения «Гренада» в 2006 году: под № 12 числится круглый стол «Поэт... разгадывает... Бога» (к 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского) [38, л. 3].

С особым трепетом Любовь Никонова относилась к юбилеям великого классика, которые каждые пять лет традиционно празднует новокузнецкий литературно-мемориальный музей его имени. В эти памятные дни она дарила музею свои книги, рукописи, личные вещи. 2011 год, объявленный новокузнецким музеем писателя Годом Достоевского, стал одним из самых насыщенных для Любови Алексеевны, но, к несчастью, и самым последним, посвященным любимому автору. Она проявила себя как постоянный и почетный участник всех музейных тематических мероприятий, среди которых: открытие выставок «Евангелие – настольная книга Достоевского» (о ней подготовила отзыв [18]), «Кузнецкий венец», «Записки из Мертвого дома»; фестиваль молодых поэтов «Звучащее слово», многочисленных экскурсий, встреч с писателями и др. В план работы – 2011 детско-юношеской студии «Фесковские литераторы» ею были включены мероприятия к 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского: экскурсия в музей писателя, лицейская конференция «Наши любимые книги русских классиков», фестиваль молодых поэтов Кузбасса «Звучащее слово» [39]. Эти факты говорят о неизменном интересе Никоновой к наследию Достоевского и желании популяризировать его творчество.

В архиве писательницы был найден титульный лист планируемой ею к 190-летию юбилею большой публицистической статьи «Поручаю себя Вашей доброй памяти. Год Достоевского в России» [50]. В нее должны были войти авторские размышления о многочисленных современных публикациях, посвященных Достоевскому, книжных и кинематографических новинках. В том числе один из разделов Любовь Алексеевна хотела посвятить новой книге «Достоевский» Л. И. Сараскиной (2011) из серии «Жизнь замечательных людей», другой – вышедшему на телеэкраны сериалу «Достоевский», который с интересом смотрела, о котором читала с ручкой в руках в «Литературной газете» статьи известных достоевсковедов – Людмилы Сараскиной «Достоевский *ronaroshku*» и Игоря Волгина «Гений – тайна не личная».

Еще одним незавершенным проектом Любови Никоновой стал лекционный курс с элементами видеопоза «Произведения Ф. М. Достоевского в кино». Она специально подготавливала его по заказу музея Ф. М. Достоевского, но волею судеб свою первую и последнюю лекцию из курса ей

удалось прочитать только воспитанникам Кузбасской православной духовной семинарии. Тема встречи была посвящена роману «Идиот» и сопровождалась просмотром фильма из собственной видеокolleкции Никоновой – одноименной экранизации романа 1958 года, осуществленной Иваном Пырьевым.¹ Следует сказать, что Л. А. Никонова долгое время собирала коллекцию экранизаций произведений Достоевского, неоднократно просматривала их, использовала в работе. После смерти писательницы часть видеокассет была передана в музей Достоевского ее сестрой В. А. Смотрительевой: «Братья Карамазовы» (1968), «Чужая жена и муж под кроватью» (1984), «Идиот» (2002), «Двадцать шесть дней из жизни Ф.М. Достоевского» (1980) [53]...

Подводя итоги исследования, хочется отметить, что поэт, прозаик, публицист, педагог Л. А. Никонова на протяжении долгого времени находилась в контексте слова Достоевского. Влияние русского классика на ее творческое сознание многообразно, и этот факт требует дальнейшего более тщательного и глубокого осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров О. Н. Творчество Достоевского в вузовских теоретико-литературных курсах (из опыта работы) // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сборник научных статей / науч. ред. Е. Д. Трухан; отв. ред. А. А. Балакай. – Выпуск XII. – Новокузнецк - Красноярск, 2020. – С. 313 – 321.

2. Волгин И. Л. «Гений – тайна не личная» // Литературная газета. – 2011. – 1-7 июня. – № 22 (6324). – С. 10.

3. Гревнев М. М. «Так не бывает» ... Но так было! (воспоминание о Любове Никоновой) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://журнальныймир.рф/content/tak-ne-byvaet-no-tak-bylo> (дата обращения: 15.06.2020).

4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах. – Л.: Наука, 1976. – Том 14. – Книги I-X. – 512 с.

5. Захаров Г. П.: словарная статья // Федор Михайлович Достоевский и Кузнецк [Электронный ресурс ЦГБ имени Н. В. Гоголя Новокузнецка]. – Режим доступа: https://dostoevsky.libnvkz.ru/?page_id=372 (дата обращения: 06.01.2020).

6. Здравствуй, мир!: альманах / гл. ред. И. Н. Вострикова, лит. ред. Л. А. Никонова. – Новокузнецк: издание СОШ № 27, 1996. – № 1. – 84 с.

7. Здравствуй, мир!: альманах / гл. ред. И. Н. Вострикова, лит. ред. Л. А. Никонова. – Новокузнецк: издание СОШ № 27, 1997. – № 3. – 126 с.

8. Здравствуй, мир!: альманах / гл. ред. И. Н. Вострикова, лит. ред. Л. А. Никонова. – Новокузнецк: издание СОШ № 27, 1998. – № 6. – 164 с.

¹ По воспоминаниям Ольги Никифоровны Голиковой, в то время – библиотекаря Кузбасской православной духовной семинарии, знакомой Л. А. Никоновой

Н. С. Болотновой ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Новокузнецк ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – 2-е изд., испр. – Новокузнецк – Красноярск: НФИ КемГУ, Полиграфическая компания «Sital», 2019. – 360 с.

42. Пушкарева И. А. О семантико-стилистическом воплощении образа города в газетном тексте краеведческого характера (тема «Достоевский в Кузнецке») в городской газете «Кузнецкий рабочий» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 3 (23). – Томск, 2013. – С. 24-33.

43. Пушкарева И. А. Стилистический анализ регионального медиатекста: Л. А. Никонова о Ф. М. Достоевском // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. сборник научных статей / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай. – Выпуск XII. – Новокузнецк – Красноярск, 2020. – С. 210-219.

44. Пушкарева И. А. Ценностное осмысление темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX в.: семантико-стилистический анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 6 (38). – Томск, 2015. – С. 67-85.

45. Сазыкин А. С. «Похожи встречи на подарки»: к 65-летию Любви Никоновой // Огни Кузбасса. – 2016. – № 3. – С. 157-165.

46. Сараскина Л. И. «Достоевский ponaroshku» // Литературная газета. – 2011. – 1-7 июня. – № 22 (6324). – С. 10.

47. Свасьян К. А. Достоевский и несть ему конца. К 100-летию со дня смерти // Свасьян К. А. Растождествления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rvb.ru/swassjan/toc_rast.htm (дата обращения: 30.04.2020).

48. Селезнев Ю. И. Достоевский. – Серия биографий «Жизнь замечательных людей». – М.: Молодая гвардия, 1990. – 3-е издание. – 544 с.

49. Тетрадь Л. А. Никоновой «Стихи, заметки. 2003–2009 годы от Р.Х.». НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рабочие тетради. 2007 год от Р.Х. Рукопись. ВХ - 53. – Л. 1-96 с оборотом.

50. Титульный лист статьи Л. А. Никоновой «Поручаю себя Вашей доброй памяти...». НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рукопись. ВХ - 157. – Л. 1.

51. Трухан Е. Д. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака» // Библиотечная жизнь Кузбасса. – 2017. – № 4 (68). – С. 12–16.

52. Трухан Е. Д. Зерна: публицистические и литературно-критические статьи. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – 276 с.

53. Фонд аудио- и видеоматериалов Л. А. Никоновой. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Видеокассеты. ВХ - 151, 152, 157, 159.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Кафедра русского языка и литературы
Муниципальная информационно-библиотечная система г. Новокузнецка
МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (г. Новокузнецк)

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
Э. Ф. и Ф. Г. ЧИСПИЯКОВЫХ

о.к.р

Новокузнецк – Красноярск

2021

81
Я 41

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Чтения памяти

Э. Ф. и Ф. Т. Чистяковых

